

НАТАЛЬЯ СПОСОБИНА

Магниты

Young
Adult

МИО

МИФ Проза

Наталья Способина

Магниты

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2023

УДК 82-311.2(470+571)
ББК 84(2Рос)6-443

Способина Н.

Магниты / Н. Способина — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»,
2023 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195941-0

Продолжение бестселлера «Многогранники». Для всех, кто любит трогательные молодежные романы. Со стороны может показаться, будто у нее есть все, о чем может мечтать девочка-подросток. Но на самом деле ей нужно лишь одно: чтобы парень, которого она любит всю свою жизнь, ответил ей взаимностью. Только сердце Ромы занято, и, судя по всему, у них с Машей все серьезно. Неужели Лялька так и останется для него всего лишь младшей сестренкой друга? Нет, она ждала слишком долго, чтобы так просто сдаться. Лялька, Роман, Маша и Димка – каждый из них готов бороться за свое счастье, не подозревая, что впереди их ждет новая, гораздо более опасная угроза. Для кого эта книга Для читателей, которым интересно знать, что случится дальше с героями романа «Многогранники». Для тех, кто любит трогательные и добрые истории. Для поклонников романов Анны Джейн, Даны Делон, Лены Сокол. Для тех, кто любит фанфик «Цвет надежды» и творчество Натальи Спобиной.

УДК 82-311.2(470+571)

ББК 84(2Рос)6-443

ISBN 978-5-00-195941-0

© Способина Н., 2023
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2023

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Наталья Способина

Магниты

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Наталья Способина, 2023

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Глава 1

С притяжением сложно бороться. Не всем под силу.

Ее рот был заклеен скотчем, и вдохнуть нормально никак не получалось, потому что нос заложило. Его всегда закладывало, стоило ей хоть чуть-чуть поплакать, а последние полчаса слезы текли по ее щекам не переставая. Она ведь была уверена, что держит все под контролем. Она, наивная дура, считала, что Андрей вправду в нее влюблен. Он писал такие письма, что героини любовных романов удавились бы от зависти. И она поверила.

Машина то разгонялась, то тормозила, и ее стало укачивать. Думать о том, что будет, если ее начнет тошнить, не хотелось. Думать вообще больше не хотелось. И жить тоже.

Вдруг машину подкинуло, потом еще раз и еще. Наверное, было самое время начинать молиться, но она не знала ни одной молитвы. В голову почему-то лезла считалочка на английском.

One for sorrow,
Two for joy...¹

Машина перевернулась, Андрей начал кричать, но быстро умолк.

Three for a girl,
Four for a boy...²

Ее подбросило на сиденье и ударило головой о крышу. Движение прекратилось, но она все равно не смогла бы выбраться из накренившейся машины – связанные руки не оставляли ни единого шанса отстегнуть ремень безопасности.

Five for silver,
Six for gold...³

Неужели все дело в деньгах? Сколько он хотел за нее получить? Интересно, дядя согласился бы за нее заплатить или обрадовался бы ее смерти?

Seven for a secret,
Never to be told...⁴

Ромка так и не узнает, что это все из-за него. И ничего уже не исправишь.

Eight for a wish,
Nine for a kiss...⁵

Снаружи послышались крики, и кто-то распахнул водительскую дверь.

¹ Одна птичка – ждет печаль, Две – веселье ждет...

² Три – девочку встречай, Четыре – мальчик придет...

³ Пять – серебро рекой, Шесть – золотая жила...

⁴ Семь – тайна, что с собой Унесешь в могилу...

⁵ Восемь – к давним чаяниям, Девять – к поцелую...

– Помоги, помоги!

– Ремень отстегивай. Быстрее!

Андрея вытащили, а она, пристегнутая на заднем сиденье, осталась незамеченной. Потянуло дымом. Уткнувшись лбом в спинку переднего кресла, она зажмурилась.

Ten for a bird,
You must not miss⁶.

«Мамочка, скоро увидимся». Очень хотелось сказать это вслух, но проклятый скотч не давал. Кто-то начал раскачивать машину, будто желал разломать ее на части. Салон наполнился дымом, почему-то стало очень холодно и, наконец, страшно. Снаружи закричали, но она не смогла разобрать слов, в ушах начало звенеть, а потом ее накрыло чернотой.

«Прикинь, если я завалила олимпиаду по английскому?»

«Уже смешно»)).».

«А вообще сплунь. Иначе они снова меня куда-нибудь потащат».

– Черт. Телефон на столе забыл, – пробормотал Сергей, вышедший из кафе вслед за Лялькой. – Я сейчас.

Лялька, не оборачиваясь, кивнула.

– Ты точно тут постоишь одна? – с сомнением в голосе уточнил Сергей.

Лялька повернулась к нему и демонстративно закатила глаза. После того как Андрей, их бывший водитель, ее похитил и она едва не погибла в аварии, ее пасли круглосуточно. Даже на сегодняшнюю олимпиаду, которая ей сто раз не упала, но психолог, видите ли, посчитала, что это отличный способ переключиться, ее сопровождал дядя. Удивительно, что он еще в кабинет за ней не пошел.

– Ты бы уже сходил давно, – негромко произнесла она.

Димка сказал, что она в последнее время стала говорить слишком тихо. Сперва, после сотрясения, ей было больно разговаривать громко, а потом она, наверное, привыкла.

Сергей вернулся в кафе. Лялька осмотрелась по сторонам и обратила внимание на парня, стоявшего у мопеда, припаркованного на краю тротуара. Некоторое время она наблюдала за тем, как он безуспешно пытается засунуть здоровенную посылку в средних размеров рюкзак, лежавший на сиденье мопеда. Парень чем-то неуловимо напоминал Ромку. Впрочем, Ромку ей напоминали все мало-мальски похожие на него парни, потому что она скучала до одури. Почувствовав ее внимание, он поднял раздраженный взгляд. Половина его лица была скрыта шлемом, но даже этого хватило, чтобы понять, что с Ромкой они совсем не похожи.

Ее телефон пикинул:

«ТТТ».

Взглянув на экран, Лялька нахмурилась. Ромка ответил с опозданием в полминуты, а набрал всего три буквы.

«Ты занят?» – написала она.

«Немного. Напиши, как будут результаты».

⁶ Не пропусти нечаянноДесятую, родную.

Лялька снова нахмурилась и решила не отвечать. Невролог предупреждала о возможных перепадах настроения, но дело было не в последствиях аварии. Дело было в Ромке. Мириться с тем, что у него есть своя жизнь, в которой не было места Ляльке, становилось все сложнее.

Сунув телефон в боковой карман рюкзака, она натянула на голову капюшон пальто.

– Поехали? – спросил подошедший Сергей, и Лялька, кивнув, бросила напоследок взгляд на парня с мопедом.

Тому наконец удалось запихнуть посылку в рюкзак, но теперь замок не желал застегиваться. Лялька невольно улыбнулась; парень, заметив ее улыбку, что-то пробормотал, но она, разумеется, не услышала. Впрочем, судя по его взгляду, это было к лучшему.

Перед тем как сесть в машину, Лялька глубоко вздохнула и сосчитала до трех. Дальше не успела, потому что открывший для нее дверь Сергей смотрел выжидающе, и она решила не нервировать его лишний раз.

Сергей вел машину так осторожно, как будто его багажник был забит хрустальными вазами. Ляльке хотелось спросить: а с Димкой он так же ездит? Но она, разумеется, промолчала.

Машина неожиданно вильнула, и Лялькино сердце ухнуло в пятки. Сергей выругался себе под нос и, перехватив ее взгляд в зеркале заднего вида, пояснил:

– Накупят мопедов, а ты потом уворачивайся от них.

Лялька привычно не стала комментировать. Димка и Сергей были уверены, что Лялька – социофоб, но на самом деле ни дядя, ни брат ничего о ней не знали. Иногда ей хотелось залезть на самую высокую крышу в городе и закричать о том, как сильно она любит Ромку, хотя в реальности она не признавалась в этом ни одной живой душе. Даже психологине, которая вытрясала из нее мозги пару раз в месяц, – чаще Лялька не давалась.

Ромка был ее тайной, ее миром, он был ею.

– Волнуешься за результат? – голос Сергея выдернул Ляльку из грез.

Та пожала плечами. Иногда ей было любопытно, какое впечатление ее молчание и отстраненность производят на окружающих, но потом она вспоминала, что никто из них не имеет для нее значения. Разве что Димка немного. И совсем чуть-чуть Сергей, хотя в отношении последнего все было сложно.

Сергей еще некоторое время бросал на нее взгляды, но вскоре перестал. Ляльке, честно признаться, нравилось то, что он не делал трагедии из ее молчания. Наверное, поэтому с ним она разговаривала чаще, чем с другими, несмотря на то что, в отличие от наивного Димки, была уверена: Сергей прикарманивает их наследство. Станным образом в глубине души она все равно его уважала.

Сергей был совсем не похож на их отца, хоть и приходился тому братом. Говорили, что отец был ярким, шумным, много смеялся и всегда все делал по-своему. Сама Лялька отца почти не помнила. Это было странно, ведь с момента трагедии прошло всего три года и ей было почти двенадцать, когда вертолет с родителями разбился, но что-то словно не давало Ляльке их вспоминать. Особенно отца. Маму она иногда видела во сне, а образ папы сливался с образом Сергея, хотя тот не был ни шумным, ни ярким. Но если отбросить подозрения в краже денег их семьи, Сергей реально много делал для племянников. Он терпел Димкины загулы, терпел его ор и обзывательства, он не ограничивал их в деньгах и всегда следил за Димкиными успехами в универе и Лялькиными в онлайн-школе. Он частенько интересовался тем, что они сейчас проходят по тому или иному предмету. А уж то, что ради нее он пытался приобщиться к таким явлениям, как кей-поп и манга, Лялька воспринимала как подвиг, хоть ей и было неловко слушать его совершенно идиотские рассуждения на эти темы. Хотелось попросить его расслабиться и никогда больше не читать и не слушать того, в чем он все равно не в состоянии разобраться, но Лялька боялась его обидеть. Окажись она на его месте, вряд ли так старалась бы наладить отношения с племянниками.

Сергей, конечно, тоже ее не понимал. Сам он был уверен: это оттого, что они почти не общались до гибели родителей. Но на самом деле ее никто не смог бы понять. Ни у кого внутри не было такой пустоты, которую не заполнишь ни музыкой, ни книгами, ни перепиской с онлайн-друзьями.

Пустота появилась давно. Пожалуй, еще до гибели родителей. В момент, когда придурок Димка поссорился с Ромкой и тот перестал появляться у них на выходных. Когда родителей не стало, пустота разрослась до размеров Вселенной, но сама Лялька плохо помнила то время. Помнила только, что было очень страшно и почти все равно, что будет дальше. А потом Димка принял решение переехать из Лондона в Москву, потому что, видите ли, не мог больше находиться в доме, где они жили с родителями. Только Димка мог быть таким дураком, чтобы поменять один дом на другой, в который они точно так же приезжали всей семьей. Только он мог вот так, не подумав, разрушить все, что осталось у Ляльки в жизни.

– Стоило так нестись, чтобы все равно оказаться рядом на светофоре, – пробормотал Сергей, и Лялька посмотрела в окно.

Рядом с их машиной, близко притершись к ней боком, стоял мопед. Водителем оказался тот самый парень, который засовывал посылку в неподходящий по размерам рюкзак. Встретившись с Лялькой взглядом, он вдруг потянулся к ее окну и постучал. Лялька вздрогнула и шарахнулась в сторону, натягивая ремень безопасности.

Сергей ударил по клаксону и выругался. Парень убрал руку от стекла и, прокатившись вперед, поравнялся с Сергеем. Приподняв стекло шлема, он что-то сказал. В это время загорелся зеленый, и Сергей рванул с места так, что Ляльку отбросило на спинку сиденья.

– Идиот, – пробормотал Сергей, то и дело поглядывая в боковое зеркало.

Лялька оглянулась. Мопед отстал.

– Ты как? – с тревогой спросил Сергей.

– Нормально, – соврала Лялька и, схватив рюкзак, принялась рыться в поисках мобильного.

Ей нужно было написать Ромке. Прямо сейчас. Они ведь договорились, что больше у нее не будет тайн, что с любыми страхами и проблемами она может обращаться сразу, потому что он «испугался до чертиков и повторять не хочет».

Иногда, когда ее накрывало страхами и утягивало в бездну, Лялька вспоминала первые дни после аварии. Она провела в больнице около недели и каждый день – каждый без исключения – видела Ромку. После перерыва в три долгих года это было как заново научиться дышать. Только его присутствие спасало от воспоминаний об удушающем запахе гари, о связанных руках и чувстве беспомощности.

Три года она видела его исключительно на фото и изредка по видеосвязи, поэтому, увидев его вживую, в первый момент растерялась. Он перерос Димку, а еще стал таким красивым, что у Ляльки, стоило ей взглянуть на него, начинала кружиться голова. Димка нервничал и на каждое ее движение вопил, что ей нужно лежать, а Лялька думала, что ее брат все-таки ничего не понимает в девушках. Да она бы и под дулом пистолета не встала с кровати, потому что на ней была идиотская больничная рубашка.

Ромкины глаза в искусственном освещении палаты казались совсем зелеными. А еще никакая видеосвязь не могла бы передать то, как он пахнет. Димка суетился, без конца передвигал с места на место вазу с цветами, пытался шутить и всячески дергался. Ромка был спокойным и улыбался. А у Ляльки щемило сердце. Она ведь просто хотела его попугать. Она совсем не хотела, чтобы он пострадал, вытаскивая ее из горящей машины. Теперь же она еле сдерживала слезы, глядя на его забинтованные кисти и заклеенную переносицу. И плевать было на то, что лечащий врач списывал плаксивость на сотрясение. Голова у нее болела вполне терпимо. Плакать хотелось от страха, что его могло не стать в той аварии. И Димки могло не стать. И как же жить после этого?

Лялька мечтала, чтобы Ромка говорил, но тот то ли из-за присутствия Димки, то ли по какой-то другой причине большей частью молчал, лишь улыбался. А ей так хотелось слушать его голос, не искаженный динамиками. Сама она тоже молчала, потому что на нее напала какая-то нелепая, сковывающая неловкость. Казалось, любое неосторожное слово что-то разрушит, сотрет его улыбку. К концу проведенной в больнице недели, в течение которой они с Димкой приходили каждый день, она разрывалась между желанием видеть Ромку и вернуться к привычному общению по телефону. Потому что по телефону говорить было нестрашно. По телефону у него не было шанса увидеть, что она краснеет или, зажав рот, чтобы он не услышал ее писка, прыгает от радости по комнате.

На выписку Ромка не приехал. Ее забирали Димка и Сергей, и у Ляльки испортилось настроение. Она наорала на Димку за какую-то тупую фразу, а потом позвонил Ромка, спросил, как у нее дела, и в ее никчемном мире снова взошло солнце. Как бы пафосно это ни звучало.

Они разговаривали почти двадцать минут. Димка то и дело оборачивался к ней с переднего сиденья, и Лялька, не выдержав, сказала Ромке, что, кажется, Димка ревнует. Только она не понимает, кого к кому.

Ромка после паузы рассмеялся, но комментировать это не стал. Димка тут же отвернулся, ничего не сказав. И это было странно, потому что единственным плюсом ее авантюры, обернувшейся в итоге похищением, стало то, что Димка с Ромкой вновь начали разговаривать. А потом Ромка сказал:

– Ляль, давай договоримся: если тебя беспокоит любая ерунда, говори сразу, о'кей? Все всегда можно решить. Пока люди... живы.

Перед последним словом он запнулся, и стало понятно, что он говорит об их с Димкой родителях. Лялька обычно затыкала любого, кто начинал беседу на эту тему. Но Ромка не был любим. Ромка искренне по ним скорбел, и он был частью ее жизни.

– Ляль, – позвал он. – Ты расстроилась?

Ляльке хотелось сказать, что она не расстроилась, что для нее очень важно, что он о ней волнуется, но она не могла выдать из себя ни слова, поэтому просто оборвала звонок.

Ромка не стал ей перезванивать, хотя она не выпускала телефон из рук. Спустя пару минут зазвонил Димкин мобильный.

– Не. Нормально вроде, – сказал Димка, оглянувшись на нее, а потом пояснил ей: – Крестовский волнуется, что ты обиделась.

Лялька закатила глаза и протянула руку за Димкиным телефоном.

– Ляль, я не собирался тебя обижать, – быстро заговорил Ромка. Его голос звучал даже немного испуганно.

– Я не обиделась. Просто... тут ушей много. Не люблю так разговаривать, – честно сказала Лялька, встретившись с Сергеем взглядом в зеркале заднего вида.

Дядя тут же устался на дорогу, делая вид, что его в машине нет. Димка же развернулся к ней и какое-то время смотрел, дико этим раздражая.

– Тебе телефон нужен? – не выдержав, спросила Лялька.

Димка молча отвернулся. Лялька не собиралась его обижать. Но, блин, неужели нельзя проявить тактичность?

Ромка, до этого молчавший, подал голос:

– Ляль, давай договоримся: с любой проблемой ты сразу обращаешься. В любое время.

– Даже ночью? – с замершим сердцем уточнила Лялька.

– В любое, Ляль, – серьезно ответил он, а потом добавил слова, которые Лялька прокручивала теперь в памяти каждую ночь перед сном: – Я испугался до чертиков. Больше так не хочу.

Он говорил что-то еще – про Димку, про Сергея, про своего отца, – но Лялька уже не вникала в слова. Просто слушала фоном его голос, и сердце ее колотилось как сумасшедшее.

Вернувшись после больницы домой, она обнаружила, что у нее забрали комп. Устроила по этому поводу истерику, но впервые в жизни Сергей уперся и не пошел у нее на поводу. Уже позже выяснилось, что комп забрала полиция, а новый Сергей покупать не стал. На ее телефоне теперь был заблокирован интернет, а пароль от вайфая предатель Димка сменил. Врачи, видите ли, рекомендовали ограничить пользование гаджетами.

Вот так просто у нее забрали всю ее жизнь, а приехавшая психологиня ласковым голосом объяснила, что это для того, чтобы она быстрее восстановилась.

Лялька в отместку замолчала на три дня. Ее грызло чувство вины, когда она видела, как скачет вокруг брат, как он боится ее молчания, но у нее была цель – ей нужен был ее комп с доступом в Сеть, с ее аккаунтами и сохраненными фотками. Кроме того, она надеялась, что побочным эффектом ее молчания станет приезд Ромки, но тот так и не приехал, лишь звонил. Лялька и ему не отвечала. Выдерживала паузу. Через три дня она сдалась и позвонила Ромке сама. Тот был за рулем, но ответил сразу. Она слышала, как он заглушил машину, и они проговорили двадцать три минуты. Двадцать три минуты счастья.

Психолог упорно пыталась выяснить, нет ли у нее кошмаров или панических атак. Самым страшным кошмаром для Ляльки стало бы исчезновение Ромки из ее жизни, а пока она могла слышать его в любое время, кошмаров можно было не бояться, хотя горящая машина иногда ей снилась. Но стоило ей позвонить Ромке, как все кошмары таяли. Правда, звонила и писала она гораздо реже, чем хотелось, потому что боялась передавить, боялась наскучить. Ей нужно было сохранить тот надрыв и те эмоции, которые появились в их разговорах после аварии. Это его «я испугался до чертиков», паузы в разговорах, его сонный голос, когда она, набравшись храбрости, пару раз звонила ему ночью... Впервые после смерти родителей Лялька чувствовала себя живой, настоящей. Нужной.

Сердцебиение после дурацкой выходки придурка на мопеде почти выровнялось, а телефон в рюкзаке все не находился. Лялька еще раз проверила все карманы, потом расстегнула рюкзак и вытряхнула его содержимое на сиденье рядом с собой.

– Черт! – закричала она.

– Что случилось? – тут же отреагировал Сергей и, включив аварийку, начал сбрасывать скорость.

– Телефон... Господи, мой телефон! – Лялька понимала, что кричит, но тише говорить не могла.

– Что с ним?

– Его нет!

– Когда ты его в последний раз видела?

Сергей, поняв, что дело в пропаже телефона, моментально успокоился, и Лялька в очередной раз поняла, что никто из них ни черта ее не понимает. Там переписка с Ромкой, там куча его фоток и нужных скринов...

– Не помню я! В кафе. Нет. На крыльце. Я сообщение прочла и в рюкзак его сунула.

– Лена, – голос Сергея звучал успокаивающе, – это неприятно, я понимаю. Но, слава богу, все живы-здоровы. Телефон – это всего лишь... телефон.

– Всего лишь телефон? – Лялька чувствовала, что ее истерика становится неуправляемой. – Всего лишь телефон? Мамин телефон – последнее, что от нее осталось, – сгорел в машине. Этот телефон я потеряла. Это...

Она горько разрыдалась, прижав ладони к лицу. Чертов невролог со своим «возможны перепады настроения». Это же не перепады, это цунами какое-то!

Лялька рыдала взахлеб и понимала, что, если сейчас Сергей скажет что-то вроде «Телефон не был единственным, что осталось от вашей мамы» или же «Давай купим новый прямо сейчас», она не знает, что будет. Ее просто разорвет. Сначала голову, потому что боль уже

пульсировала в висках и затылке, а потом и ее саму, потому что не может один человек вместить в себя столько эмоций.

Сергей, к счастью, ничего не сказал.

Лялька отняла руки от лица и, продолжая захлебываться слезами, отыскала среди вываленного на сиденье барахла упаковку бумажных салфеток. Утерев глаза, она увидела, что Сергей протягивает ей бутылку воды. Лялька попила, вытерла вновь побежавшие слезы и только тут заметила, что они едут в обратном направлении.

– Куда мы едем?

– В кафе, – коротко ответил Сергей.

Лялька хотела поймать в зеркале его взгляд и сказать «спасибо», но он смотрел на дорогу. Говорить «спасибо» ему в затылок она не стала.

Припарковав машину у кафе, Сергей попросил Ляльку заблокировать двери и отправился на поиски ее телефона. Лялька, все еще всхлипывая, смотрела, как он взбегаёт по ступеням, как останавливается возле сотрудника, открывавшего для посетителей дверь, и гадала, насколько искренна его забота. Разве бывает так, что человек готов положить свою жизнь на чужих ему детей, терпеть их выходки, решать их проблемы? Разве обычный травматолог из провинциального городка не должен был мечтать избавиться от племянников, стоявших на пути к большим деньгам? Димка считал, что она пересмотрела тупых сериалов, но он в принципе был поразительно наивен для своих восемнадцати. Пятнадцатилетняя Лялька рядом с ним чувствовала себя старшей сестрой.

Сергей, стоявший на крыльце в ожидании администратора, закурил. Лялька впервые видела, чтобы дядя курил. Он держал сигарету большим и указательным пальцами и часто затягивался, как будто хотел быстрее покончить с этим процессом. Ляльке нравилось, когда мужчина курит, но Сергей делал это совсем некрасиво. На разговор с администратором ушло не больше минуты. Сергей выбросил недокуренную сигарету и, хмурясь, сбежал с крыльца. Приблизившись к машине, он постучал в окно. Лялька разблокировала двери, он сел в машину и пристегнулся.

– Ну что? – не выдержала Лялька, хотя и так знала ответ. Если телефон выпал на крыльце кафе, то его давно уже кто-нибудь подобрал.

Сергей посмотрел на нее в зеркало заднего вида и помотал головой.

– Давай напишем заявление на кражу телефона. Его можно отследить, – предложил он.

– Нужно в полицию?

Сергей кивнул. Лялька прикрыла глаза, вспоминая допросы после аварии. Димка не угадал, решив, что Сергей спустит историю с похищением на тормозах. Допросы, чужие люди, неприятные взгляды...

– Поехали домой, – откинувшись на спинку сиденья, попросила она.

Сергей после паузы кивнул и тронулся с места.

Лялька смотрела на скользящие за окном многоэтажки и думала о том, что ее мир очень-очень маленький по сравнению с этим огромным городом. Но если бы она выпустила пустоту, живущую в ее мире, то эта пустота поглотила бы мегаполис.

На выезде из города они попали в пробку, и измотанная головной болью Лялька задремала. Проснувшись оттого, что Сергей вынимает ее из машины и несет на руках, как ребенка. Она хотела возмутиться, потребовать поставить ее на землю, но отчего-то промолчала. Ее так давно не носили на руках. День похищения не считался.

Войдя в свою комнату, Лялька впервые пожалела, что на двери нет замка. Ей хотелось запереться у себя навечно и чтобы никто никогда сюда не вошел. Свернувшись клубком на кровати, она снова расплакалась.

В дверь постучали. Ляльке хотелось заорать: «Идите вон!» – но она села, вытерла рукавом слезы и сказала: «Войдите».

На пороге стоял Сергей. Он уже успел переодеться в футболку и джинсы, в отличие от Ляльки, которая лишь скинула внизу пальто и обувь.

– Ты можешь позвонить с моего телефона, если тебе... нужно, – произнес дядя, прислонившись виском к дверному косяку.

Как будто все было так просто. Как будто хоть что-то можно было исправить. Лялька молча покачала головой и, взяв с кровати подушку, обняла ее.

– Я могу что-нибудь сделать? – спросил Сергей, внимательно глядя на нее.

– Почему ты здесь? – вместо ответа спросила Лялька.

Сергей оглядел ее комнату и развел руками.

– Потому что хочу помочь.

– Тебе тридцать один. Ты мог сто раз уже жениться и жить припеваючи.

– Для ста раз мне пришлось бы очень быстро менять невест. Я бы их и не запомнил, – серьезно ответил он.

Лялька невольно усмехнулась.

– Неужели тебе нравится жить с нами? С психованным Димкой и... со мной. Психологиня же каждый раз тебе по три листа пишет, насколько у меня с мозгами плохо, – закончила она, злясь на себя за то, что голос начал дрожать. «Это все из-за дурацкого телефона».

Сергей некоторое время молча на нее смотрел, а потом пожал плечами:

– Так получилось, что я живу с вами. Это определенно лучше студенческой общаги или съемной квартиры. Тут кормят.

Лялька снова усмехнулась.

– А почему ты не женился до этого?

Сергей снова пожал плечами:

– Это же не происходит по графику.

– Типа, ждешь единственную?

– Типа.

– Так она один раз нас увидит и сбежит, как та Марина или как ее...

– Единственная не сбежит.

– Да ладно? Ты веришь в любовь до гроба?

– А ты? – спросил Сергей, внимательно на нее глядя.

– Ты про Андрея?

Сергей не ответил.

– Да, я поверила в то, что он влюблен. Вот такая дура. Можешь посмеяться, – зло закончила Лялька.

– Не смешно, – ровным голосом ответил дядя. – Но с ним-то все понятно. А с тобой?

– А что со мной?

– Ты всерьез в него влюбилась?

Было видно, что Сергею неловко вести этот разговор, но с каким-то мазохистским упорством он играл в идеального дядюшку, который готов всегда во всем поддержать, и Ляльку снова откидывало к мысли, что причина его пребывания здесь – их наследство. До Лялькиного совершеннолетия еще два с половиной года. Димку обвести вокруг пальца – раз плюнуть.

Лялька, прищурившись, смотрела на Сергея, пытаясь отыскать подтверждение своим подозрениям.

– Извини, – не дождавись ее ответа, произнес он и, попятившись в коридор, тихо приотворил за собой дверь.

Лялька еще некоторое время сидела, глядя прямо перед собой, а потом медленно опустилась на кровать, все еще прижимая к себе подушку. Хотелось увидеть маму или же Димку. Хоть он и был придурком.

Из полудремы ее выдернул тихий стук в дверь. Лялька распахнула глаза и обнаружила, что в комнате уже темно. Стук повторился. Стучал явно не Димка, потому что тот обычно колотил так, что дверь едва не слетала с петель, и не домработница – та едва слышно скреблась. Сергей тоже стучал громче.

– Войдите, – озадаченно произнесла Лялька, гадая, кто бы это мог быть.

Дверь приоткрылась, и Лялькино сердце едва не выскочило из горла, потому что это был Ромка.

– Откуда ты? – прошептала она и попыталась пригладить волосы.

– Я тебя разбудил?

– Нет-нет...

– Войти можно?

– Да-да, конечно.

Лялька вскочила с кровати, метнулась к столу и включила настольную лампу, ругая себя за то, что так суетится. Он не должен был видеть ее такой. Собрав разбросанные на столе распечатки с тестами в одну стопку, она наконец к нему повернулась.

Ромка с интересом оглядывал комнату, держа одну руку за спиной.

– Вот как выглядят комнаты современных девочек? – наконец сказал он.

– Если войдешь в соседнюю дверь, увидишь, как выглядят комнаты современных мальчиков. И нет, не надейся, что ты уже видел подобное.

– А что там? – весело уточнил он.

– А там у нас в кресле может валяться кед в обнимку с трусами и пакетом чипсов.

– Ужас! – театрально испугался Ромка. – Бедная Тамара Михайловна.

– Откуда ты ее знаешь? – удивилась Лялька.

– Пока ты была в больнице, мы с отцом заезжали к вам пару раз, – неловко произнес Ромка, и Лялька поняла, что с Димкой у него все еще пока не слишком радужно. Захотелось придушить брата на месте.

Ромка наконец сдвинулся с места и прошелся по комнате. Левую руку он по-прежнему держал за спиной.

– Что у тебя там? – не выдержала Лялька.

– Сюрприз. Но я не знаю, как ты к нему отнесешься.

– А поконкретнее?

Она села на стол и сжала край столешницы двумя руками. Черт! Она, конечно, хотела его увидеть – в ее идеальном мире она имела возможность видеть его каждую секунду, – но не когда она заспанная и взлохмаченная. А он еще стоит здесь – такой невыносимо красивый.

– Короче, если что, Волков ставил на то, что ты меня убьешь, ваш дядя воздержался.

– Рома, я начинаю нервничать.

И это была чистая правда.

– В общем, это тебе.

Он шагнул к ней и протянул коробку с телефоном. С такой же моделью, которая была у нее. Они никогда не обсуждали модель ее телефона.

– Димка сказал, какой у меня был? – спросила она, не двинувшись с места.

– Волков модель своего с ходу не вспомнит. Сергей. Цвет я выбрал сам.

Если бы на месте Ромки был Димка, Лялька бы уже на него орала. Если бы Сергей – смотрела бы так, что тот должен был бы непременно осознать свою ошибку. Но это был Ромка, и в свете настольной лампы Лялька хорошо видела шрамы на внешней стороне его кисти, которые остались после того, как он поранился о стекло, вытаскивая ее из горящей машины.

– Так. Пауза уже достаточно затянулась. Давай ставить его на зарядку и восстанавливать приложения, – безапелляционно заявил Ромка и шагнул ближе.

Лялька прыгнула со стола и замерла, глядя на ямочку между его ключицами, видневшуюся в расстегнутом вороте рубашки. В ее идеальном мире он должен был сейчас ее поцеловать. Или же нет, потому что тогда она умерла бы на месте от счастья.

Ромка притянул ее к себе и звонко чмокнул в макушку. Лялька уткнулась лбом в его грудь и слотнула. Легко играть, когда перед тобой брат или дядя, а тут...

Ромка выпустил ее из объятий и положил коробку на стол. Деваться было некуда. Пришлось распаковывать подарок и ставить телефон на зарядку. Ромка стоял рядом, засунув руки в карманы джинсов, и чуть улыбался. Лялька вдруг подумала, что, пока он рядом, ничего плохого случиться не может. И даже потеря телефона уже не казалась такой страшной. Фотки она еще скопирует с его странички, а пока можно любоваться оригиналом.

Димка стукнул кулаком по приоткрытой двери и тут же заглянул в комнату.

– Труп выносить? – серьезно спросил он.

Лялька фыркнула, а Ромка усмехнулся и произнес:

– Труп пока еще ходит сам.

– Ну тогда пойдемте чай пить. Мы уже накрыли на стол.

Ляльку почему-то не насторожило это «мы». Наверное, потому, что она отвлеклась на Ромку. С Димкиным появлением тот напрягся. Ляльке стало тоскливо. Во время их визитов в больницу ей казалось, что между ними все наладилось, а сейчас она видела, что до нормального общения им еще очень далеко.

– А чё вы в темноте? – спросил Димка и хлопнул по выключателю.

Лялька с Ромкой одновременно сощурились, когда с потолка хлынул яркий свет.

– Никакой приватности, да? – подмигнул Димка Ромке и засунул руки в карманы джинсов.

Все-таки ее брат был удивительным придурком. И лично Лялька была убеждена, что девки висли на нем исключительно потому, что он родился смазливой заразой, прекрасно об этом знал и беззастенчиво этим пользовался.

Переведя взгляд на Ромку, Лялька поняла, что тот напрягся еще сильнее.

– Шутка, Крестовский, – улыбнулся Димка и, показав средний палец плакату на стене, вышел из комнаты. – Мы вас ждем, – раздалось уже из коридора.

– Прости. Он у меня дурак, – серьезно произнесла Лялька.

Ромка медленно покачал головой:

– Он не дурак. Он просто за тебя волнуется.

Ответить на это было нечего, но, к счастью, Ромка ответа не ждал.

– Идем пить чай? – улыбнулся он и протянул ладонь.

Ляльке до смерти хотелось взять его за руку, но ей нужно было привести себя в порядок. Придурок Димка и так врубил свет, а она растрепанная.

– Я спущусь через минуту, – сказала она.

– Время пошло, – объявил Ромка и ушел, напоследок смерив взглядом постер, которому Димка показывал неприличный жест.

Лялька бросилась в ванную. Была она там, конечно, больше минуты. Потому что ей нужно было умыться, подкрасить ресницы, причесаться. Она старалась не думать о том, что внизу за столом сидит Ромка. Это было слишком похоже на сон.

По лестнице она почти слетела. От головной боли не осталось и следа. Хотелось петь и смеяться. Но на пороге кухни она растерянно остановилась и вспомнила Димкино «Мы накрыли на стол».

Ромка стоял у окна, что-то высматривая во дворе, а за длинным столом напротив Димки сидела Рябинина. Какого черта он ее-то притащил? Не насмотрелся в универ?

– Привет, – Машка встала и улыбнулась.

Ромка оглянулся и тоже улыбнулся Ляльке.

– Привет, – Лялька от всей души понадеялась, что ее улыбка вышла достаточно вежливой.

– Сергей! – заорал Димка, запрокинув голову.

– А по телефону не проще? – Рябина посмотрела на него так, будто ей было за него стыдно.

Нормально? Пришла в их дом и еще такие взгляды бросает!

– В нашей семье ценится живое общение, – снова улыбнулась Лялька и села рядом с братом, хотя предпочла бы, чтобы тот сидел со своей Рябиной сам, а у нее была бы возможность оказаться рядом с Ромкой.

Впрочем, так тоже вышло неплохо, потому что Ромка сел напротив нее.

– Иду! – раздалось откуда-то из глубины дома.

Ромка улыбнулся.

– А в этом что-то есть. Как в лесу: «Ма-ша-а», – сложив ладони рупором у рта, протянул он, вероятно, намекая на сказку о Маше и медведе.

– Ро-ма-а, – зачем-то поддержала эту игру Рябина, и Димка рассмеялся, хотя было совсем не смешно.

Ляльку царапнула мысль, что Рябина учится с Ромкой и Димкой. Не то чтобы она воспринимала ту всерьез, но всё же...

– О, тортик! – радостно воскликнул вошедший Сергей и потер ладони друг о друга.

– О, плюс час в качалке, – подхватил Димка, но Сергей только отмахнулся, хотя вообще-то был сторонником здорового питания. Во всяком случае, он вечно нудел по поводу Димкиных чипсов.

Заняв место во главе стола, Сергей пододвинул к себе пустую чашку. Димка встал и принялся разливать чай – не иначе как пытаясь выделиться перед своей Машкой. Та тоже поднялась и с какой-то стати стала изображать хозяйку, раскладывая всем торт.

– А что за тортик? – спросил Сергей, протягивая Рябиной свою тарелку.

– Лялькины любимый. Этот... Как его?.. – Ромка начал щелкать пальцами, вспоминая название.

Лялька не смогла сдержать улыбку от осознания того, что он помнит ее вкусы, что так внимателен к ней. Не то чтобы это ее удивляло, ведь их история длилась всю Лялькину жизнь, но все равно было невероятно приятно.

– Крестовский, на нем прямо сверху написано для особо одаренных: «Медовик», – возведя глаза к потолку, произнес Димка и добавил: – Чашку давай.

Ромка протянул свою чашку и попросил:

– Мне некрепкий.

Димка с ухмылкой налил почти целую чашку заварки.

– Дима, – Рябина посмотрела на него с укором.

– Да вы скучные, капец, – вздохнул Димка, забрал у Ромки чашку и, отойдя к раковине, отлил половину заварки.

– Лена, тебе кусочек побольше или поменьше? – Рябина определенно вошла в роль хозяйки.

– Я сама положу. Спасибо, – откликнулась Лялька и, встав, протянула руку за лопаткой.

Рябина тут же ее отдала и села на свое место. Лялька положила себе первый попавшийся кусок. Настроение немного подпортилось.

Торт был вкусным: сочным, в меру сладким. Именно такой она и любила.

– Спасибо, Ром. Очень вкусно.

– На здоровье, – Ромка улыбнулся ей так, что Лялька с трудом проглотила следующий кусок.

По телефону общаться все же было проще. Можно было не бояться того, что покраснешь на ровном месте.

– А у вас там пруд? – нарушил неловкое молчание Ромка, повернувшись к Сергею.

Тот кивнул.

– Пруд, беседка и навес с мангалом. Кстати, почему мы никогда им не пользуемся? – Сергей посмотрел на Димку так, будто тот был ответственным за мангал.

Ляльке стало приятно, что Сергей видит в Димке хозяина дома. Это немного умирало ее подозрения.

– Ну давай купим мясо. Только я его жарить не умею, – отпив из своей чашки, сообщил Димка.

– Ром, у вас с отцом какие планы на выходные? – спросил Сергей.

Ромка почему-то посмотрел на Рябину, потом на Димку и пожал плечами.

– У меня особых планов не было. У отца не знаю.

– Ладно, я Льву тогда позвоню, – подытожил Сергей. – А мясо должен уметь жарить любой уважающий себя мужик. Учить вас буду.

– Дядя Лёва, кстати, умеет, – вступился за крестного Димка.

Ромка кивнул в подтверждение и потер переносицу. Лялька видела, что ему неловко, но никак не могла понять причины. Неужели дело до сих пор в их с Димкой старых разборках?

– Ну вот и вам пора учиться. Ладно. Спасибо за чай и торт. Мне еще три договора читать, – Сергей страдальчески вздохнул и встал из-за стола.

Ромка тоже встал и пожал протянутую Сергеем руку.

– Пока, Маш, – вежливо улыбнулся Сергей, и Ляльке показалось, что он чем-то недоволен.

– До свидания, – отозвалась Рябина и тоже зачем-то вскочила.

Сергей вышел из кухни, а Рябина плюхнулась на свое место, убрала прядь волос за ухо и оглядела кухню, как будто была здесь в первый раз. Лялька напряглась. Что-то происходило, но она пока не могла понять, что именно. Ромка медленно опустился на свое место. Повисла неловкая тишина. Димка и Рябина ели торт, Ромка негромко барабанил пальцами по столешнице в такт едва слышной мелодии, которая играла где-то в глубине дома.

– А можно будет к пруду сходить? – наконец спросил Ромка у Димки.

– Можно, – тут же ответила Лялька, отодвинув пустую тарелку.

На улице стемнело, пруд был красиво подсвечен, и лучшего места для прогулки с Ромкой было просто не найти. Ее сердце побежало быстрее.

– Ты не против, если мы немного задержимся? – спросил Ромка, повернувшись к Рябине, и то, как она посмотрела в ответ и пожала плечами, заставило Ляльку сначала застыть, а потом медленно повернуться к брату.

Димка гонял по блюду посыпку от торта и явно чувствовал себя не в своей тарелке. Лялька встала из-за стола. Ромка, продолжавший смотреть на Рябину, этого даже не заметил. Лялька направилась к выходу, и он снова этого не заметил. Только добравшись до середины лестницы, она услышала позади быстрые шаги и почувствовала Ромкину ладонь на своем плече.

– Давай по-быстрому с телефоном разберемся, установим все, что там нужно, и мы поедем уже. А то поздно.

– Гулять не будете? – повернувшись к нему, улыбнулась Лялька, от всей души надеясь, что ее губы не задрожат. Нервы в последнее время и правда были ни к черту.

– Нет, мы погуляем минут десять-пятнадцать, – Ромка потер переносицу и, нахмурившись, уточнил: – Всё в порядке?

– В полном, – пожала плечами Лялька, продолжая улыбаться, хотя ее мир только что рассыпался в пыль.

Она-то, дура, думала, что теперь может вздохнуть спокойно, что самая главная причина всех ее бед – нежелание Димки мириться с наличием бывшего друга в Лялькиной жизни – позади, что ей просто нужно набраться немного терпения. Ромка, слишком правильный, слишком идеальный, не стал бы встречаться с ней, пока ей не исполнится восемнадцать. И Лялька готова была подождать несчастные два с половиной года. В конце концов, она ждала уже гораздо больше. Даже когда она видела кучу фоток на страничке его бывшей девушки, она все равно не паниковала. Она знала, что это все временное, потому что говорила с ним почти каждый день и знала о нем все. Она чувствовала, что та девушка ничего для него не значит, что ему просто нужно кем-то занять пространство рядом с собой, пока Лялька не станет достаточно, по его мнению, взрослой. Ляльку его принципы одновременно бесили и восхищали.

Теперь же она не знала, что и думать. Потому что Рябининой, которую она считала девушкой брата, не вписывалась в эту картину. Впрочем, оставалась маленькая надежда, что ей покажется. Вдруг он спросил согласия Рябининой потому, что им вместе ехать в Москву?

– Точно? – прищурился Ромка, судя по всему не поверив в ее искренность.

Лялька кивнула.

– Ну тогда пойдем установим программы.

– Я сама.

Лялька шагнула на ступеньку выше, и он убрал руку с ее плеча.

– О'кей. Сергей разрешил вернуть тебе инет, только пароли от всех сетей у меня, как договаривались.

– Я подумаю.

– Не, Ляль, – Ромка замотал головой. – Это единственное условие, на котором у тебя будет выход в Сеть.

– Что? – не поверила своим ушам Лялька. – С какой стати?

– Слушай, – Ромка примирительно выставил ладони, – у меня несколько лет был твой пароль, я чистил твои контакты от идиотов. Сейчас в чем проблема?

«В Рябининой!» – хотелось заорать Ляльке, но она, улыбнувшись, сказала:

– Ни в чем. Я пришлю.

– О'кей. Тогда пока?

– Пока.

Некоторое время он на нее смотрел, словно решался что-то сказать, но так ничего и не произнес.

Лялька молча развернулась и ушла к себе в комнату. Она не стала включать свет, не стала караулить у окна, хотя ее комната выходила как раз на пруд. Она вставила в уши наушники и врубила музыку погромче, чтобы не слышать их голосов и своей пустоты, которая разрослась до размеров черной дыры.

Спустя вечность дверь в ее комнату открылась и на пороге возник Димка.

– Ты опять в темноте? – громко спросил он, но, к счастью, не стал зажигать свет.

Лялька вытащила наушники, выключила музыку и посмотрела на Димкин силуэт, застывший в дверном проеме.

– Он встречается с Рябининой?

Димка вошел в комнату, переложил с места на место новый телефон, к которому она так и не притронулась, потом зачем-то отдернул штору, снова ее задернул...

– Дима, – Ляльку бесило то, насколько жалобно прозвучал ее голос, но говорить нормально у нее не получалось.

– Вроде того, – произнес Димка, не глядя на нее.

Свет из коридора падал на шкаф и в изножье ее кровати, в остальной комнате царил полумрак, и это было хорошо, потому что Лялька почувствовала, как по ее щекам потекли слезы.

– Как давно? – спросила она, подавив всхлип.

– Какое-то время, – после паузы ответил Димка и, отлепившись наконец от окна, подошел к ней. – Ты расстроилась?

– С чего бы мне? – снова всхлипнула Лялька. – Он же вечно с кем-то встречается.

Не выдержав, она горько разрыдалась, и Димка тут же плюхнулся рядом с ней на кровать и крепко ее обнял. Она уткнулась в его плечо.

– Это я виноват. Я должен был тебе сказать, наверное.

– Мне казалось, что с Рябининой встречаешься ты, – рыдала Лялька. – Мне казалось, что все будет... будет...

– Ляль, он тебе до сих пор нравится?

Это был самый тупой вопрос, который только можно было задать. Что значит «до сих пор»? Это как спросить: «Ты до сих пор дышишь?»

Лялька понимала, что, скорее всего, Димке тоже приходится несладко, потому что он явно был влюблен в эту дуру. Но в то же время ее бесило, что Димка вот так просто отдал ту Ромке. Черт. Он тоже красивый. Он классный. Какого черта Рябинина его бросила ради Ромки?

Впрочем, сама Лялька ради Ромки бросила бы всех на свете. Ее разрывало на части от злости на Димку и жалости к нему.

– Давай установим приложения на телефон, – все еще всхлипывая, предложила Лялька и почувствовала, как Димка облегченно выдохнул. Какой смысл снова с ним ссориться? Разве это что-то изменит?

Лялька могла разобраться с телефоном сама, но ей было приятно видеть Димку, сидящего на краешке ее стола и с умным видом ковыряющегося в настройках. Она все-таки его любила, хоть никогда ему об этом не говорила. Он был ее семьей. Единственным родным человеком, который у нее остался. А то, что порой он вел себя как придурок... Ну так никто не идеален. Даже Ромке могла понравиться дура Рябинина.

Впрочем, это еще ничего не значило. Пусть думают что хотят. Ромка все равно будет с ней.

– Так. Если будешь менять пароли от соцсетей, они все должны быть у Крестовского, – сдув челку с глаз, сообщил Димка.

– Обойдетесь, – буркнула Лялька, хотя именно она настояла на том, чтобы пароли были у Ромки, когда Димка заявил, что будет мониторить ее переписку сам.

– Ляль, либо так, либо никак. С нас хватило.

– С меня тоже. Хватит считать меня душой. Я прекрасно понимала, что делаю! – заорала Лялька.

Она отдавала себе отчет в том, что со стороны ее побег с Андреем выглядел как выходка доверчивой идиотки. Они ведь не знали, что у нее был план – испугать Ромку. Она, конечно, не предполагала тогда, что Андрей поведется на деньги, а вся ее затея обернется трагедией. Но, что бы они себе ни думали, Лялька умела учиться на своих ошибках.

– О'кей. Телефон не получишь.

Димка включил режим старшего брата: засунул телефон в карман джинсов и пошел к двери.

– Да пришлю я ему пароли! – снова заорала она.

Димка развернулся к ней и некоторое время молча ее разглядывал.

– Вместе с проклятием? – наконец усмехнулся он.

– С двумя, – хмуро сообщила Лялька.

– Можешь от меня третье добавить, – разрешил Димка и, вернувшись к столу, положил ее телефон рядом со стопкой тестов.

Потоптался немного, не зная, что сказать, а потом пожелал ей спокойной ночи и сбежал к себе. Именно сбежал, потому что ни черта не справлялся с ролью старшего брата. От Ромки она получала поддержки в разы больше, чем от непутевого Димки, который и со своими-то проблемами разобраться не мог.

Перед сном Лялька все же решила зайти на свою страничку во «ВКонтакте». Думать о том, что полицейские наверняка читали ее переписку с Андреем и, скорее всего, не только с ним, было так паршиво, что хотелось забраться с головой под одеяло и никогда оттуда не выбираться. Но это бы ничего не изменило, поэтому Лялька с колотящимся сердцем авторизовалась. У нее было двести тридцать восемь уведомлений и двенадцать новых сообщений.

Лялька зашла в сообщения, почувствовав, как сердце зачастило. Андрей был последним, с кем она переписывалась перед похищением. Его сообщения исчезли, будто их и не было. И, пожалуй, это было к лучшему. Видеть подтверждение тому, какой наивной душой она была, не хотелось.

Лялька пролистала список сообщений от друзей, которые ее потеряли. Отвечать не стала – писать правду о своем отсутствии она не собиралась, а врать сейчас настроения не было. В «Телеграме» она тоже отметила всё прочитанным, даже не заглядывая в чаты.

В чате с Ромкой висело новое сообщение: *«Жду пароли»*.

Лялька смотрела на два слова, и ей снова хотелось плакать. Прямо сейчас он был с Рябиной. От мысли о том, чем они могли там заниматься, ее всю выворачивало наизнанку.

Лялька отправила ему пароли и целых восемь минут ждала, что Ромка прочтет сообщение. Он не прочел.

Лялька вышла из чата и собралась было отложить телефон, когда в приложении «ВК» высветилось уведомление о новом сообщении.

Неизвестный LastGreen писал:

«Привет. У меня твой телефон. Встретимся?»

Глава 2

Когда выбрал бороться, готовься, что просто не будет.

– Рома, вы с Димкой слепые. Оба!

Роман не стал поворачиваться к Маше, хотя прямо сейчас они стояли на светофоре и у него была возможность отвлечься от дороги. Он понимал, что Маша, скорее всего, права, но признавать это очень не хотелось, потому что масштабность проблемы, которая могла возникнуть из-за их с Волковым ошибки, пугала до дрожи в животе. Сильнее стиснув руль, он пожал плечами.

– Ничего не скажешь? – не могла успокоиться Маша.

Роман вздохнул. Ссориться с ней не хотелось. За последний месяц это была бы их вторая ссора. Да, он считал, потому что присутствие Маши в его жизни до сих пор казалось подарком, которого он не заслужил, который предназначался кому-то другому. И для подобных мыслей были все основания, потому что где-то рядом всегда был Волков. За этот месяц они провели вместе с Волковым больше времени, чем за последние три года. Вместе таскались на допросы, вместе ездили в офис к отцу и Сергею, чтобы подписать документы на прохождение практики. Вместе обедали в доме Волковых, и вот сегодня вместе пили чай. И это было худшее чаепитие в жизни Романа.

– Рома, – Маша положила ладонь на его колено и легонько сжала. Роман бросил на нее быстрый взгляд. – Она тебе нравится?

– Что? – Роман вновь отвлекся от дороги и, ошарашенно посмотрев на Машу, рассмеялся.

– Ты слышал, – отрезала Маша.

Роман терпеть не мог, когда она говорила таким тоном. Будто они опять чужие и она снова девушка Волкова. Ну, в смысле, он раньше так считал, хотя Маша ею и не была никогда.

– Да, Маша, она мне нравится. Я ее люблю. Но это не имеет никакого отношения к той любви, которая... Господи, можно я не буду это объяснять? – попросил он.

В прошлый раз они поссорились из-за Волкова. Это было на пятый день после злополучной аварии. Они договорились провести Ляльку, а потом поужинать вдвоем. Маша подъехала к больнице, но стоило им спуститься с крыльца, как Волков психанул из-за чего-то на ровном месте и свалил домой. Маша, разумеется, расстроилась, и Роман попытался объяснить ей, что Димка просто беспокоится о сестре и не нужно на него обижаться.

– Дело не в беспокойстве за сестру, Рома, – ответила тогда Маша. – Неужели ты не видишь, что он бесится, потому что так тебя и не простил? Ни за ту вашу ссору из-за Эммы или как ее там? Ни за то, что мы с тобой вместе.

Роман смотрел на это иначе. Во-первых, потому, что ситуацию с Эммой спровоцировал сам Димка. Это он решил проверить свою тогдашнюю девушку, поведется ли та на Романа. Роман ему подыграл, Эмма повелась, и это стоило им дружбы. Но все случилось больше трех лет назад, и встряска с Лялькиным похищением, казалось, стерла все дурацкие обиды. А во-вторых, Димка ведь сам сказал, что не против, о чем Роман и сообщил Маше.

– Слушай, он лично мне сказал, что не против нас с тобой. Почему я должен ему не верить? Просто он боится потерять еще и Ляльку. Понимаешь? Мы все испугались.

– Ты безнадежен! – в сердцах сказала Маша. – Как можно не замечать очевидного?

Роман не знал, что ей ответить, потому что, вероятно, действительно был безнадежным идиотом, раз не пытался выискивать в словах и поступках Волкова двойной смысл.

– Я домой, – сообщила Маша.

– Я тебя отвезу.

– Здесь за углом остановка автобуса. Я доберусь сама, – ответила Маша и вправду направилась к остановке, но Роман поймал ее в охапку и почти силой дотащил до машины.

Признаться, он решил тогда, что все кончено, но пока они в молчании доехали до Машиного дома, та немного остыла. В итоге Роман извинился, хотя, если уж быть честным, виноватым себя не чувствовал, и они помирились. И вот сегодня они снова ссорились.

После его слов о том, что он любит Ляльку, Маша отвернулась к окну. Целых семь минут в машине царила тишина. Роман следил за часами, а потом не выдержал. В его жизни уже такое было, когда он не поговорил с человеком нормально, а потом случилась трагедия. История с Юлой, его бывшей девушкой, так до конца и не отпустила Романа. Он продолжал считать себя виноватым в том, что она, поссорившись с ним, пошла в клуб к тем пьяным упырям.

– Маша, пожалуйста... – попросил он на очередном светофоре и, прижавшись затылком к подголовнику, повернулся к ней.

– Ром, – Маша, к его облегчению, тут же перестала делать вид, что его в машине нет: развернулась к нему и взяла за руку, – пойми, вы оказываете Лене медвежью услугу. Медвежья услуга – это...

– Я знаю, что это. Я учил идиомы, – слабо улыбнулся Роман.

Маша до этого ни разу не указывала ему на его проблемы с русским. Было немножко обидно.

– Ну вот и хорошо, что знаешь. С Димкой все понятно. Он всегда находил неординарные решения для всех ситуаций. Но ты-то нормальный. Ты же должен понимать, что дразнить вниманием влюбленную в тебя девочку – это не просто негуманно. Это опасно, Ром.

– Да мы же не дразним! – воскликнул Роман и постучался затылком о подголовник. – Я не могу ее бросить. Понимаешь?

Сзади посигналили. Оказалось, на светофоре успел загореться зеленый. Роман тронулся с места, не отнимая у Маши руки. Казалось, пока она держит его за руку, все на свете можно исправить.

– Надо позвонить Димке, – решила Маша и выпустила его ладонь.

Роман положил руку на руль.

– Мне позвонить? – спросил он, хотя говорить с Волковым не хотелось.

Все-таки в момент их первой ссоры Маша оказалась права. Димка зависал, глядя на нее, Димка начинал суетиться – включал режим классного парня. И Роману становилось тошно, а еще страшно, потому что Волков ведь был реально классным. Вдруг Маша не сегодня завтра тоже так решит? Иногда Роман представлял, что все вернулось на круги своя: Маша вновь уезжает из универа с Волковым, говорит с Волковым, постоянно шутит с Волковым, а Роману остается только наблюдать за этим издалека, – и его накрывало такой волной безысходности, что хотелось выть. Тогда он думал о том, что они все могли погибнуть в той аварии, и становилось легче. Потому что Маша живая, но с Волковым – это определенно лучше, чем погибшая Маша. А то, что плохо будет самому Роману... ну, так ему не привыкать. Прорвется, как всегда. А еще его немного утешала мысль о том, что случилось у них с Машей в прошлое воскресенье. Если Маша на это решилась, значит, все-таки видит свое будущее с ним, потому что она явно была не из тех девушек, которые легко относятся к сексу.

Отбросив неуместные сейчас мысли, Роман понял, что его вопрос повис в воздухе без ответа, и повернулся к Маше. Она вздохнула и покачала головой:

– Приму удар на себя.

Пока Маша ждала ответа Волкова, Роман пытался успокоить заколотившееся от волнения сердце. Интересно, когда-нибудь он перестанет так нервно реагировать на бывшего-настоящего друга?

Динамик Машиного телефона был достаточно громким, поэтому Роман четко слышал резкое «алло». Кажется, Волков был не в духе.

– Привет, – голос Маши прозвучал мягко, и Роман, несмотря на недавнее самоуспокоение, почувствовал укол ревности.

– Привет, – ответил Волков.

– Ну как вы там?

– Нормально. Что-то случилось или ты просто так звонишь?

– Нет, я хотела узнать, как Лена, как все прошло?

– Зашибись, – огрызнулся Волков и спросил: – Крестовский рядом?

– Да, но он за рулем, – из Машиного голоса исчезли теплые нотки, и Роману стало немного жаль Волкова.

– Пусть меня потом наберет, – попросил Волков и, не прощаясь, отключился.

– М-да, – пробормотала Маша.

На парковке у Машиного дома неожиданно оказались свободные места. Вероятно, в вечер пятницы дачники выбрались за город.

– Сюда не паркуйся, – предупредила Маша, и Роман изменил траекторию, заходя на соседнее место.

– А там что было не так? – посмотрев в окно, уточнил он. На свободном месте не было нанесено никакой информации.

– Здесь паркуется только внук бабы Нины из четвертой квартиры.

Роман выбрался наружу, еще раз оглядел парковочное место и, обойдя машину, открыл Маше дверь. Ему ужасно нравилось чувствовать, как она кладет свою руку в его ладонь. Хотя ты целый день помогай ей из машины выходить.

– А где написано?

– Что написано? – не поняла Маша и хозяйским жестом застегнула куртку Романа под горло. Он вздернул подбородок, потому что сам пару раз прищемлял его молнией именно этой куртки.

– Про парковочное место.

– А-а. Да нигде. Просто баба Нина целый день пасет это место у окна, а когда кто-то из заезжих пытается припарковаться, выбегает ругаться.

– А места у многоквартирных домов выкупаются, да? Просто их ведь намного меньше, чем квартир, и...

– Ромка, – Маша улыбнулась и взяла его под руку, – все-таки ты так никогда и не перестанешь быть лондонским денди.

– Почему? – напрягся Роман.

– Ну, просто. Ты смешной.

Роман остановился и посмотрел на Машу сверху вниз. Она была очень красивая, и, черт, он не был готов кому-то ее отдать. Даже Волкову.

– Баба Нина просто решила, что это место ее внука, и всё, – пояснила Маша, по-своему истолковав его заминку, хотя Роман, заглядевшись на нее, уже и думать забыл о несчастном парковочном месте.

– А разве так можно? – искренне удивился он.

– Как видишь, можно, – пожала плечами Маша и потащила его в подъезд.

Перед исписанной граффити входной дверью Роман невольно сбавил шаг. Ему не нравился этот дом, не нравился подъезд, не нравилась необходимость встречаться с Машиной мамой, но выбора, увы, не было. Вернее, был, и он его уже сделал. Месяц назад, стоя на обочине и глядя на догоравший в кювете форд, Роман решил остаться в Москве, чтобы быть с Машей, несмотря на уговоры отца и уже купленный билет до Лондона.

Они с Машей никогда не пользовались лифтом, потому что Маша как-то сказала, что ей нравится подниматься по лестнице, держась с ним за руки. Роману это тоже нравилось.

Между четвертым и пятым этажами было написано: «Мир наполнен оболочками наших душ». Роман каждый раз обдумывал эту фразу, потому что не был уверен в том, что имелось в виду. Оболочки душ – это тела или же что-то другое, абстрактное? Каждый раз, когда он собирался спросить у Маши, что она думает по поводу этой странной фразы, она обнимала его за шею и поднималась на цыпочки. Странная фраза волшебным образом тут же вылетала из головы Романа, потому что целоваться с Машей и одновременно думать он так и не научился.

Внизу с грохотом захлопнулась подъездная дверь, потом зашумел лифт, где-то наверху заиграла музыка и послышался собачий лай.

– У тебя в доме такого не бывает? – рассмеялась Маша ему в губы.

– Я кроме тебя ничего не заметил, – соврал Роман и тут же добавил: – Поехали ко мне, а? Обещаю вести себя прилично.

– Рискнешь отпросить меня у мамы? – Маша отклонилась назад, и ее улыбка стала коварной.

– Легко, – усмехнулся Роман. – Надеюсь, у тебя есть запасной я?

– Увы, – вздохнула Маша. – Ты штучный экземпляр. За это я тебя и люблю, – закончила она и стала подниматься по лестнице. Вот так просто, как будто ничего не произошло.

– Стоять, – севшим голосом произнес Роман и потянул ее назад. – Повтори, пожалуйста.

– И не подумаю, – заявила Маша и, воспользовавшись тем, что он ослабил хватку, вырвалась из его рук и понеслась вверх по ступеням.

Роман бросился следом, чувствуя, что улыбается как придурок. Поймать Машу удалось только у двери ее квартиры. Он обхватил ее поперек туловища и прижал спиной к себе.

– Не отпущу, пока не повторишь, – прошептал он ей в ухо, чувствуя, как сердце бухает в груди.

Маша откинулась затылком на его плечо и, вывернув шею, поцеловала его в губы. Роман понимал, что его отвлекают, но не отвлечься просто не мог. В реальность его вернула трель дверного звонка. Оказалось, Маша успела позвонить в свою квартиру. За этот месяц Роман с удивлением обнаружил в ней склонность к неожиданному коварству.

– Это было нечестно, – стараясь выровнять дыхание, произнес он и выпустил Машу из объятий.

В принципе, можно было прямо сейчас сбежать по ступенькам и не встречаться с Машинными родителями, но он для себя решил, что не собирается доставлять Ирине Петровне такого удовольствия. Не то чтобы он мстил этой милой женщине и по совместительству их преподавателю английского за холодную войну, объявленную ею лично ему... Впрочем, да, мстил. И ему даже не было за это стыдно, потому что та кричала на Машу, запрещала Маше с ним видеться и всячески демонстрировала ему при встречах свое пренебрежение. Доведенный до крайней точки, Роман неделю назад пошел на отчаянный шаг – попросил отца поговорить с Ириной Петровной. В конце концов, это именно у него когда-то был роман с мамой Маши, а теперь Ирина Петровна относилась предвзято не только к его отцу, но и к самому Роману. Но он-то здесь ни при чем. К сожалению, отец не просто не пошел ему навстречу, а сказал прямым текстом: «Я тебя спрашивал, уверен ли ты в решении остаться в Москве. Что ты мне ответил? „Да, я уверен“». Крыть было нечем. Отец же добавил, что не собирается решать личные проблемы великовозрастного лба. Мол, он его в объятия Маши не просто не толкал, а практически умолял Романа включить мозги и оставить Машу с Волковым в покое.

В общем, в борьбе с Ириной Петровной Роман оказался один. Была еще, конечно, Маша, но той и самой доставалось. И, кстати, оказалось, что страдать за любовь хорошо лишь в книгах. А на деле удовольствие было то еще.

За секунду до того, как дверь распахнулась, Роман успел поцеловать Машу в висок и сделать шаг в сторону.

– Добрый вечер, Юрий Викторович, – вежливо поздоровался он с отцом Маши. Тот его тоже не любил. Вероятно, за компанию с супругой.

– Добрый. Проходите, что застыли?

Маша впорхнула в квартиру и звонко поцеловала отца в щеку. Тот заметно подобрел, и Роман вспомнил свой первый разговор с Машей и ее фразу о том, что сам Роман будет отстреливать кавалеров будущей дочери еще на подлете к дому. Может, дело было не в солидарности с женой, а в том, что любому отцу сложно смириться с появлением в жизни его дочки другого мужчины?

– Спасибо за приглашение, но мне пора.

– Пройдите, Роман. У меня к вам разговор, – прозвучал откуда-то сбоку голос Ирины Петровны, и желудок Романа сделал сальто.

В довершение сегодняшнего дня только этого не хватало.

– Что случилось? – забеспокоилась Маша.

– Пока ничего. Поэтому я и хочу поговорить с Романом.

– Мама! – воскликнула Маша и отчего-то залилась краской.

Роман перевел взгляд с нее на Ирину Петровну.

– Рома, иди домой, – Маша уперлась в его грудь ладонями и подтолкнула к выходу.

– Ну, если в наше время мужчины не умеют отвечать за свои поступки, то пусть идет, разумеется. Удерживать его тут никто не будет.

– Мама!

На Машу было жалко смотреть.

– Маша, всё в порядке. Я поговорю. Не проблема, – успокоил ее Роман и расстегнул куртку.

– Мама, – Маша сложила руки перед собой в молитвенном жесте.

– У тебя был выбор, Мария. Ты его сделала. Теперь я буду беседовать с ним.

– Я сама с тобой поговорю. Правда.

– Да что ты? А как же «мне восемнадцать, что хочу, то и делаю»? – Ирина Петровна так похоже изобразила Машин голос, что оставалось только удивляться тому, что Маша – ее приемная дочь. Жесты, интонации, манера речи у них были абсолютно одинаковыми.

Роман разулся, повесил куртку на крючок и развел руки в стороны:

– Куда идти?

– На кухню.

Роман ободряюще улыбнулся Маше и двинулся в сторону кухни. Как же он ненавидел кухню. Почему на них вечно происходят самые неприятные разговоры?

Он был в гостях у Маши один-единственный раз, когда познакомился с ее отцом. Сам, дурак, на этом настоял. Это знакомство стало, пожалуй, одним из самых кошмарных его воспоминаний. Родители Маши разглядывали его так пристально, что, если бы не державшая его за руку Маша, он бы точно провалил это знакомство. Впрочем, он и так его провалил, потому что, кажется, нес какую-то чушь. Вернее, он пытался честно отвечать на вопросы о своей семье, но ему все время казалось, что его ответы выглядят как насмешка над Машиним отцом, служившим скрипачом в оркестре. Рассказывать о своей жизни и учебе в Лондоне было неловко, но другой жизни у Романа не было. С каждым его словом Машин отец все сильнее мрачнел, и Роман, окончательно стусевавшись, умудрился ляпнуть: «Почему в оркестре служат, а не играют?» Ему казалось, что вопрос разрядит обстановку и позволит Машинему отцу рассказать о своей работе, но, еще не договорив, Роман понял, что таким идиотом мог быть только он. Какое счастье, что Волков не видел его позора!

Воспоминание о знакомстве с Юрием Викторовичем немного успокоило. Хуже уже вряд ли будет. Даже у неуклюжести Романа есть предел. Маша вошла следом, но Ирина Пет-

ровна молча взяла ее за плечи и выставила из кухни. Романа дико бесило, когда кто-то обижал Машу, но сейчас он решил промолчать.

– Итак, – Ирина Петровна указала ему на табуретку, присела напротив и смерила его взглядом.

– Итак? – эхом повторил Роман и, опустившись на указанное место, положил на край стола сцепленные кисти.

Ирина Петровна прищурилась. Хотя он не собирался ее злить, у него непроизвольно вырвалось. Просто от волнения.

– Если верить вашему личному делу в университете и тому факту, что у вас есть права, вы вполне совершеннолетний, – произнесла Ирина Петровна тем тоном, которым говорила с особо тупыми учениками. Ну, и с ним.

– Вполне, – подтвердил Роман, не понимая, к чему ведется этот разговор.

– В таком случае почему ваш отец звонит мне и просит не обижать его деточку?

Кровь бросилась Роману в лицо. Черт. Он не просил так. Он... впрочем, просил. Идиот!

– Извините, – пробормотал Роман, опустив взгляд к своим рукам и до боли стиснув пальцы. – Больше этого не повторится.

– Нет, я даже в чем-то вас понимаю, Роман. Вероятно, вы привыкли, что с детства все вопросы по щелчку пальцев решаются папочкой. Думаю, вы в курсе истории из нашей с вашим отцом молодости.

Ирина Петровна говорила спокойно, но было в ее голосе что-то такое, отчего Роман боялся поднять взгляд. Ему было стыдно. Теперь уже не только за себя, но и за отца, который бросил беременную от него девушку.

– Извините, – повторил он.

– Не извиню, Роман. До вашего появления Машка даже не думала ни о чем, кроме учебы. Это вы можете себе позволить пропускать занятия, брать академы... Один звонок вашего отца – и все улажено.

Это было несправедливо, потому что Роман не пропускал занятий, не брал академического отпуска. Он учился. На самом деле. Потому что по-другому не умел. И отец, что бы там ни думала Ирина Петровна, отнюдь не потакал ему во всем.

– Когда вашему отцу пришла в голову идиотская мысль, что Маша может быть его дочерью, он ведь первым делом предложил выбросить ее из университета.

Роман потрясенно вскинул голову.

– А вы не знали? Он сказал, что вам и так сложно в новой стране в русскоговорящем окружении, а Маша ничего, потерпит, он же, в свою очередь, компенсирует все расходы.

– Я не...

– Я понимаю, что глупо ждать ответственности и самостоятельности от мальчика, выросшего в семье у другого мальчика, поэтому, как вы успели заметить, я против вашего общения с Машей. Но, увы, моя дочь влюблена.

После этих слов, кажется, вся кровь в организме Романа прилила к лицу и ушам.

– Я... – снова начал он, но Ирина Петровна опять его перебила:

– Я не жду от вас ответных признаний, но мне казалось, вам не чужда порядочность. Поэтому я прошу вас не дурить моей дочери голову. Девочки и мальчики в восемнадцать смотрят в разных направлениях. Поверьте, я знаю, о чем говорю.

– Я люблю Машу, – выпалил Роман то, чего еще ни разу не произносил вслух.

– Правда? – голос Ирины Петровны прозвучал холодно.

Роман поднял голову и выдержал ее уничижающий взгляд.

– Да, – твердо ответил он.

– А что такое любовь для вас, Роман?

– Я хочу, чтобы у Маши все было хорошо. Хочу о ней заботиться, быть рядом.

– Спать с ней.

– Простите? – Роман, поперхнувшись воздухом, закашлялся.

– А разве нет? – Ирина Петровна смотрела на него так, будто они говорили о погоде.

Роман прокашлялся и порадовался тому, что краснеть больше уже было просто некуда. Он понятия не имел, сказала ли Маша маме о том, насколько далеко зашли их отношения. Черт, а если это просто проверка?

Он вдохнул полную грудь воздуха, медленно выдохнул.

– Ирина Петровна, я не буду обсуждать это с вами. Извините.

– По-вашему, жизнь моей дочери меня не касается?

– Машина жизнь касается, конечно. Моя – нет.

Роман посмотрел в глаза Ирине Петровне, и та неожиданно улыбнулась.

– Ох, как жаль, что Машка сейчас этого не слышит. То есть вы сами по себе, она сама по себе? Отлично. Что и требовалось доказать, – Ирина Петровна встала и указала ему на дверь. – Больше не задерживаю.

Роман тоже поднялся и засунул руки в карманы.

– Нет, мы не сами по себе. Мы вместе. Просто я не хочу обсуждать вопросы, которые отказалась обсуждать Маша. Она ведь отказалась?

– А вы подлец, Роман. Вы в курсе?

Отчего-то услышать это было обидно. Наверное, потому, что раньше Ирина Петровна не позволяла себе прямых оскорблений.

– Почему?

– Маша – наивный ребенок. Она пацанов-то близко не видела, кроме Волкова. Но вот тот оказался порядочным. Не пользовался ни смазливой мордой, ни папиными деньгами.

Роман сжал челюсти. Сейчас уже было не просто обидно.

– Вы ошибаетесь, – четко произнес он.

– Я бы многое отдала за то, чтобы ошибиться, Роман, но я вижу, что происходит с Машкой. И я не вчера родилась: вы не из тех, кто будет просто держаться с девочкой за ручки.

Крыть было нечем, потому что как раз в прошлое воскресенье Маша провела в его квартире весь день, неожиданно решив, что готова к тому, чтобы «все было по-взрослому». Романа тогда рассмешила эта формулировка. Но Маша была такой храброй и напуганной одновременно, что смеяться он не стал. Он ведь любил ее так, что даже дышать рядом с ней нормально не всегда получалось. И после случившегося он будто на крыльях летал и смотрел теперь на Машу совсем иначе. Но оказалось, что это все можно убить вот такими словами.

– Я люблю Машу, – упрямо повторил он, потому что ничего другого сказать сейчас просто не мог.

– Главное, не забудьте об этом, когда соберетесь возвращаться в свой Лондон. Впрочем, вы хотя бы через неделю об этом не забудьте, – язвительно закончила Ирина Петровна и вышла из кухни.

Роман вышел следом и наткнулся на виноватый взгляд поджидавшей в прихожей Маши. Он подошел к ней и крепко обнял, наплевав на то, что это может увидеть Ирина Петровна.

– Я тебя люблю, – прошептал он ей на ухо.

– Ого! Разговоры с моей мамой, оказывается, идут тебе на пользу.

Роман нервно рассмеялся, а Маша чмокнула его в подбородок и прошептала:

– Я приеду к тебе завтра.

– Если тебя не запрут дома.

– Я сделаю веревку из простыней и сбегу, – рассмеялась она и добавила: – Спасибо, что ты не сердишься.

Он зажмурился и снова чмокнул ее в макушку. Плевать на них на всех. Главное, что они с Машей друг друга любят.

– Волкову позвони, – напомнила Маша перед тем, как закрыть за ним дверь, и Роман едва не застонал.

Легко было сказать. Всю дорогу до дома Роман собирался с духом, чтобы набрать номер Волкова. Несколько раз протягивал руку к телефону, но каждый раз передумывал. Волков был главной константой всей этой истории. Волков был тем, перед кем было особенно стыдно.

Добравшись до дома, Роман не стал включать свет в пустой студии. Аккуратно повесил куртку на вешалку, снял ботинки. Из панорамного окна открывался шикарный вид на высотку университета и ночную Москву. Сверху город был похож на подсвеченный механизм, в котором шестеренки не останавливались ни на минуту. Роман забрался на подоконник, прислонился спиной к откосу, держа в руках телефон, и посмотрел на стандартные обои на заставке. Он хотел установить Машино фото на главный экран, но из-за Димки не стал.

Волков взял трубку после второго гудка.

– Чё-то ты медленно едешь, – сказал он вместо приветствия.

Роман усмехнулся и посмотрел на свое отражение в оконном стекле. Отражение выглядело немного испуганным.

– Разговаривал с Ириной Петровной.

Волков тоже усмехнулся, но комментировать не стал. Вместо этого сказал:

– Тебе там Лялька пароли должна была выслать.

– Сейчас проверю.

Включив громкую связь, Роман открыл мессенджер.

– Есть.

– Хорошо, – сказал Димка и снова замолчал.

Роман вслушивался в его дыхание, и его привычно накрывало неловкостью. За последний месяц Димка ни слова не сказал о Маше. В универе он, как и раньше, сидел с ней – Маша настояла. Вполне нормально с ней общался. Только теперь после занятий уезжал один. И если поначалу Роман думал, что со временем неловкость между ними троими уменьшится, то он глубоко ошибался. Говорить с Волковым было невыносимо. А еще невыносимо хотелось вновь стать друзьями. Иметь возможность посоветоваться, поговорить по душам или просто поболтать о всякой фигне.

– Ну ладно, пока, – прервал молчание Волков.

– Пока, – эхом откликнулся Роман, но Димка уже успел отключиться.

Глава 3

Отказавшись от части себя, остаешься бескрылым.

Своего отца Яна никогда не видела. Лет с десяти она знала, что ее отца зовут Алексей Волков, что он очень богат, что он является одним из владельцев крупной фармкомпании и что он не хочет ничего знать о Яне. Мама повторяла фразу «Не хочет ничего знать» так часто, что эти слова потеряли для Яны всякий смысл, они уже даже не причиняли боли. Лет в двенадцать девочка еще, бывало, задумывалась о том, почему не хочет. Может, с ней что-то не так? Она тогда могла подолгу рассматривать себя в зеркало, гадая, что именно отпугивает отца. Почему он ни разу не позвонил, не зашел в гости – вообще ни разу не появился в жизни Яны? Но потом она загнала все эти вопросы в такие закоулки сознания, что и вовсе о них забыла.

Мама пропадала на работе днями и ночами. Волков обеспечил ее хорошей должностью, и благодаря тому, как мама держалась за эту должность, сколько сил и времени отдавала работе, Яна ни в чем не нуждалась. Из небольшой двушки они переехали в просторную трехку, и теперь у них была гостиная, в которую можно было приглашать гостей. Только гостей у них не бывало. Мама не водила дружбу ни с кем, повторяя Яне, что дружбы не существует. Бывают люди, которые в тебе заинтересованы. Мама вообще учила Яну тому, что все в жизни имеет свою цену: время, забота, любовь, внешность. Все можно купить и продать. Вопрос лишь в том, готов ли ты к этому. Яна не задумывалась о правильности или неправильности этих мыслей. Она просто верила маме и не верила людям, которые хотели с ней дружить.

Она унаследовала от матери непослушные рыжие кудри, а от отца – правильные черты лица и ярко-голубые глаза. Признания в любви ее не удивляли. Она знала, что красива, но продавать свою красоту была не готова. И мама ее в этом поддерживала. От кого из родителей Яна унаследовала цепкую память и склонность к языкам, она не знала, но это очень помогало ей и в школе, и в университете. Эту часть своей жизни Яна готова была продавать, поэтому охотно делилась конспектами, помогала с рефератами. Не за деньги, нет, – недостатка в деньгах, спасибо маме, у нее не было, – а за ту самую купленную дружбу. Яне были приятны внимание и похвала. Не внимание к ее красоте, а внимание к ней самой. Почти обычное. Почти нормальное. Когда взамен за сданный реферат ее приглашали на день рождения, или же погулять в парке, или на студенческую вечеринку. Иногда она допускала мысль, что ее так называемые друзья, возможно, приглашают ее куда-то не только за сделанный реферат, а за то, что она сама по себе классная, но быстро гнала эту мысль прочь. Потому что знала, что никакая она не классная. Она просто все это покупает. Платит за это рефератами, улыбками, придуманными на ходу историями. Если бы кто-то спросил ее, нравится ли ей такая жизнь, Яна... не стала бы отвечать. Другой жизни у нее не было.

На втором курсе университета она решила попробовать выйти из зоны комфорта. Рекомендация про зону комфорта лилась тогда бесконечным потоком из всех источников. Мол, а как же еще развиваться, если ты сидишь в своем уютном болоте? Выходом из этой зоны Яна посчитала участие в конкурсе красоты при универе. Обменивать свою красоту на одобрение жюри... для Яны это было настолько далеко от зоны комфорта, что даже думать о таком было страшно. Однако мама неожиданно эту идею поддержала.

Яна заняла второе место и получила два недвусмысленных предложения стать содержанкой: одно – от преподавателя своего же вуза, второе – от члена жюри конкурса. Член жюри был нестар, недурен собой, имел жену и троих детей и, скорее всего, делал подобные предложения на каждом конкурсе.

Яна серьезно обсудила эту перспективу с мамой. Преподавателя они отсекали единодушно, а вот про члена жюри мама сказала:

– Решай сама. Только подумай, с чем и где ты останешься, когда ваш роман закончится. А он закончится, Ян.

Яна целый вечер оценивала плюсы и минусы. Потенциальный покровитель мог открыть ей дорогу в мир высокой моды, что не было для Яны самоцелью, потому что она была настроена окончить универ и работать по специальности: помощником руководителя. Эту цель Яна пересматривать не собиралась. Деньги? Карманных денег, выдаваемых матерью, Яне вполне хватало. У них с мамой были настолько добрые отношения, что Яна никогда не чувствовала себя ни ущемленной, ни обязанной. Ну, разве что когда маму крыло эмоциями при упоминании отца и когда она кричала, что сделала все, чтобы вылезти из двенадцатиметровой комнаты в вонючей общаге, и ни за что не позволит Яне скатиться туда же, поэтому та должна выучиться на нормальную специальность. Мама считала, что музыкальная школа за плечами – это не повод мечтать о музыкальной карьере. Это – вклад в копилку ее развития. О музыкальной карьере Яна заикнулась лишь однажды, еще будучи подростком, но получила такой нагоняй, что спрятала эти мысли в далекие закоулки сознания. Где-то в воображаемом мире жила другая Яна, которая играла свою музыку... да хоть в переходах метро... и которая была бесконечно свободна. Иногда она снилась настоящей Яне. Но нечасто.

Член жюри занял внимание Яны на целый вечер отчасти потому, что в ее понимании мир высокой моды находился где-то рядом с миром музыки. До него оттуда было рукой подать. Во всяком случае, гораздо ближе, чем из мира цифр и суетливых офисов, к которому принадлежали Яна с мамой.

И все-таки здравый смысл победил. Яна из реальности отказалась от поступившего предложения, а мнения Яны из параллельной вселенной никто не спрашивал. Что они понимают, эти вечно голодные и вечно счастливые, не существующие ни в одной реальности музыканты?

Гибель отца не стала для Яны шоком или трагедией. В ее жизни ничего не изменилось. Она была тогда на предпоследнем курсе универа, по-прежнему дружила по обмену временем, помощью и деньгами с однокурсниками и изредка играла на скрипке, когда мамы не было дома.

Мама сообщила о случившемся за ужином будто между прочим. Яна несколько секунд вглядывалась в лицо мамы, готовая к тому, что, возможно, придется ее утешать, подбадривать, но та не выглядела убитой горем. Скорее, слегка уставшей и, пожалуй, раздосадованной.

– Теперь все изменится, – вдруг произнесла мама и отпила вино из бокала.

Вообще-то мама редко пила алкоголь, потому что потом на нее нападали либо головная боль, либо меланхолия, а порой и то и другое сразу.

– Почему изменится?

– Доучивайся, Янка. Доучивайся хорошо, потому что теперь справедливость восторжествует, и ты возглавишь компанию Волкова.

Под изумленным взглядом Яны мама вновь отпила из бокала.

– Мам, у него ведь есть настоящие дети, – неловко теребя браслет на руке, пробормотала Яна.

Мысль о том, что отец погиб, до нее по-прежнему не доходила.

– А ты что, игрушечная? – повысила голос мама, и Яна предпочла не нарываться.

Однако, вопреки заверениям матери, ничего не изменилось. Жизнь Яны шла так же, как и до известия о гибели Алексея Волкова. Порой она задумывалась о том, каково сейчас его настоящим детям, но эти мысли не задерживались в ее голове.

К разговору о компании Волкова они с мамой вернулись через пару месяцев после того, как Яна защитила диплом.

К тому моменту она дико устала от учебы. И хоть понимала, что с платного отделения никто ее не выкинет, убивалась так, будто училась на бюджете и могла вылететь после любой сессии. Яна окончила университет с красным дипломом и синюшным от усталости и недосыпа лицом. Мысль о том, что теперь она взрослая и может пойти устраиваться на работу, отчего-

то совсем не грела. Яна боялась идти на собеседование – боялась в равной степени того, что ее не примут, и того, что скажут: «Приходите завтра оформлять документы». Она боялась ответственности, боялась взрослой жизни, потому что из тех самых пыльных закоулков сознания вдруг начали вылезать противные... не монстры даже, нет, с теми хотя бы можно было сходить к психологу, а так... монстрики.

«Да что в тебе есть-то, кроме смазливой морды и гонора?» – брошенное в каком-то баре подвыпившим придурком, чьи руки она от себя отпихнула.

«Ты сама ни разу не позвонила, вот мы и не стали тебя звать», – сказанное однокурсницей в ответ на ее «Я бы тоже с вами съездила».

«Тебе-то мамочка деньги дает, а некоторым работать приходится», – злое, гадкое, прилетевшее уже от другой одногруппницы в ответ на мимолетное Янино замечание о качестве купленных той ботинок.

Мама будто чувствовала ее растерянность и с поиском работы не торопила. Наоборот, уговаривала слетать отдохнуть. Только без глупостей.

Это «без глупостей» стало появляться в речи мамы все чаще. Она будто только сейчас заметила, что Яна выросла. Глупостей делать Яна не собиралась. Отдыхать тоже не поехала. Вместо этого каждый день ходила на Арбат послушать уличных музыкантов. Смотрела на них, зачастую недорого одетых, усталых, и придумывала себе страшные картины из их жизни, вынудившие этих людей пойти играть на улицу. Но картины не придумывались, потому что музыканты играли. Как же они играли! Сколько свободы было в этих звуках!

В один из дней мама сказала:

– Завтра ты выходишь на работу.

Яна, поперхнувшись чаем, долго кашляла, пытаясь понять, не ослышалась ли.

– Из Лондона возвращается Лев Крестовский. Будешь работать его личной помощницей.

– Но я же ничего не умею, – сипло выдавила Яна.

– Научишься, – пожала плечами мама и посмотрела так, что Яна поняла: спорить бесполезно.

Лев Константинович Крестовский, оказавшийся очень привлекательным мужчиной тридцати восьми лет, являлся совладельцем компании покойного Алексея Евгеньевича Волкова и все последние годы жил в Лондоне. Эту скудную информацию Яне удалось нарыть в интернете. Личная страница Крестовского в соцсети пестрела фотографиями с деловых встреч, каких-то симпозиумов и экономических форумов, поэтому сказать, что в первый рабочий день Яна была напугана до смерти, означало сильно преуменьшить ее состояние. Однако Лев Константинович приветливо улыбнулся и протянул ей руку.

– Мне тебя рекомендовали как жутко старательную, умную, красивую. В общем, уверен, сработаемся. Для начала свари нам с тобой кофе, а потом будем вместе выживать в этих джунглях. Я сам тут сегодня первый день после большого перерыва.

Яна сварила кофе, а потом помогла расставить мебель, да так увлеклась, что на следующий день заказала в приемную и в кабинет Льва Константиновича кучу цветов в горшках. Ей хотелось навести здесь уют, потому что она вдруг поняла, что жизнь есть не только в университете и дома.

Лев Константинович оказался классным боссом. Самым лучшим на свете. И Яна, кажется, даже немного в него влюбилась. Самую малость. Может быть, не совсем в него, а в его доброе и теплое отношение к ней. Настоящее какое-то. Такое, которое, наверное, не покупается деньгами. А еще от него она впервые увидела подтверждение тому, что дружба тоже не покупается и не продается. Потому что она получила эту фантастическую во всех смыслах должность, на которую больше бы подошел квалифицированный специалист с опытом работы, только потому, что была дочерью его лучшего друга.

В один из дней Лев Константинович пришел в офис особенно не в духе. В последнее время это стало для него привычным состоянием. Кажется, его сын, перебравшийся почти год назад из Лондона в Москву, попал в какую-то аварию. Подробности Яна не знала. Впрочем, на ее работе его настроение, к счастью, не сказывалось. Он не грубил, не давал бессмысленных заданий, не повышал голос. В такие дни он просто не останавливался у ее стола по утрам и не спрашивал, как у нее дела. А ей было приятно, когда он задерживался с ней поговорить.

Яна ответила на его дежурное приветствие и, вздохнув, вернулась к работе. Запланированные дела нужно было сделать независимо от настроения и фазы Луны. Яна подтвердила все назначенные на сегодня встречи и телефонные переговоры, отправила в отдел снабжения заявку на канцтовары и, сварив кофе, ровно в десять постучалась в дверь кабинета босса. В одной руке она держала поднос с кофе, второй прижимала к себе папку с документами на подпись.

– Входи! – услышала она и толкнула дверь.

Лев Константинович молча смотрел на то, как она ставит поднос на стол и кладет на край стола папку с документами. Ее нервировало его молчание, потому что в такие моменты Яне всегда казалось, что она делает что-то не так. В глубине души она считала себя глупой и неловкой, и ни диплом о хорошем образовании, ни модельная внешность, увы, не могли придать ей уверенности в себе. Работать в другом офисе она бы не смогла. Ну кто еще стал бы закрывать глаза на то, что она могла разлить кофе на стол или же, записав сообщение для босса, растеряться и не спросить, кто звонил? Впрочем, подобные ляпы случались лишь в самом начале ее работы, но мысль о них мучила Яну до сих пор. Осознание, что Лев Константинович терпит ее только потому, что она пусть и не признанная, но дочь его друга, тоже уверенности в себе не прибавляло. Получается, сама по себе Яна все-таки не представляла собой ничего стоящего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.